

О. Э. Мандельштам

Стансы

(1)

Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу, — и люди хороши.

(2)

Люблю шинель красноармейской складки,
Длину до пят, рукав простой и гладкий
И волжской туче родственный покроей,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

(3)

Проклятый шов, нелепая затея
Нас разлучили. А теперь, пойми —
Я должен жить, дыша и большевея,
И перед смертью хорошея
Еще побыть и поиграть с людьми!

(4)

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме —
Клевещущих козлов не досмотрел я драки —
Как петушок в прозрачной летней тьме —
Харчи, да харк, да что-нибудь, да враки —
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок — и я в уме.

(5)

И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка —
Нежнее моря, путаней салата —
Из дерева, стекла и молока...

(6)

Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила — и вдруг, как чечевица,
Адмиралтейским лучиком зажгла.

(7)

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь, сам-друг,
Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню все — немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.

(8)

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен —
Как «Слово о Полку», струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га...

*Май–июнь 1935
Воронеж*